

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ САЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

Е

И

А

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Н А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 55. ЭЛИАС ОТИС,
Ч. 12 (ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА)



Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 55.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2014;

а также авторы журнала:

Элиас Отис, ч. 12
(любовная лирика)

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Глас Гитл (любовная лирика)



Аводарин Манро, Альтер Отис

Просеяна сквозь сито пламени
Хранителей Огня артель,
Внизу, под алым шёлком знамени,
Стеля последнюю постель.

Огонь ел рать на поле бронзовом,
А трель звучала, как набат,
И сто свечей сияньем розовым
Пшеничной ости жгли закат.

Горела ткань, пылали здания,
Сверкали отблески огней,
А он, как в первый день Создания,
Всё так же пробирался к Ней.

Аннет

Меня касались плечи

Аннет.

Я был бы искалечен, —

Ан нет.

В ушах струилось слово

Монет:

Я был бы расцелован,

Но нет.

На простыне мгновений

И лет

И не было сомнений,

И нет.

Анн-Тэннаф

Мне снился ночью странный сон:
Бродил я солнечной поляной,
Небесным светом занесён,
Среди травы совсем один,
Своей свободой полупьяный,
А в небе, ветру в унисон,
Близ солнца, скрытая лианой,
Звезда горела впереди.

Баллада о Терновнике

Не спросить, не ответить, не скрыться в немой пустоте
Там, где рядом лежат, неподвижные, он и она.
Прорастёт, зацветёт и угаснет златой чистотел,
Но нетленно останутся в Вечности их имена.

Голос Смерти влюблённым крыла оперил
И кольчугой надел халцедон и берилл,
И пропел алилуйю в часовне под стоны и плач.
И терновой короной терновника куст,
Словно слово «Любовь» из умолкнувших уст,
Произрос и расцвёл от сторевшего сердца тепла.

Он поднялся из гроба Тристана к святым Небесам
И вернулся на землю, в могилу Изольды вращая,
И сплетённым узором ветвей имена написал,
Чтобы снег, укрывающий землю, от скорби растаял.

Словно согнутый лук с тетивою тугой,
Вился радугой куст, опускаясь дугой,
И ветвями зелёными стены часовни обвил.
Был терновник, как песня, прекрасен и чист,
И осенней порою терновника лист
Опускался к могилам погибших в пожаре любви.

И узнавши о том, приказал своим слугам король
Срезать куст, чтоб вовеки не вспомнили их имена,
И приказ его пел по стране безымянный герольд, —
И явились туда, где покоились он и она.

Трижды воины те обнажали мечи,
Чтобы срезать терновник в холодной ночи,
Но наутро он вновь появлялся, прекрасней, чем был,
И не кончилось чудо великой любви,
Сохраняясь в бокалах божественных вин
И к святым Небесам поднимая деревьев столпы.

Не спросить, не ответить, не скрыться в немой пустоте
Там, где рядом лежат неподвижно Тристан и Изольда.
Прорастёт, зацветёт и угаснет златой чистотел,
Но навеки останется песнь под дождём и грозойю.

Словно согнутый лук с тетивою тугой,
Вьётся радугой куст, опускаясь дугой:
Он ветвями зелёными стены часовни обвил.
Тот терновник, как песня, прекрасен и чист,
И осенней порою терновника лист
Опускается тенью к погибшим в пожаре любви.

без сожалений о написанном

...а кто-то скажет, что не тем
я посвящал стихи,
что был я нем,
что мало тем
затронул в прозе, и совсем
не воспевал грехи,—
пусть так; но в том — мой идеал:
не вам его менять;
нет, я не врал,
когда писал,
и тех, кого я воспевал,
воспел бы я опять.

Бессонница

Печаль моя глубокая,
Мечта моя хрустальная,
Звезда золотоокая,
Бессонница летальная...

Вершины Одиночества,
Чертоги Ожидания, —
Без имени, без отчества,
Без боли, без страдания.

Забыто и расколото,
Заброшено, растеряно:
Молчание — не золото,
Аршином ночь измерена,

А неба купол каменный
Со звёздными прорехами
Сдаёт свои экзамены
Да щёлкает орехами.

Билет

Я ждал вас!.. Я ждал вас, — и вот, вы проходите мимо,
Сжимая в руке свой просроченный детский билет
С контролем, оторванным потной рукой пилигрима,
Не снявшего шляпы на Обетованной Земле.

И вы так легки, что почти невесомее пуха.
И вы так близки, что почти что на уровне глаз.
Наверное, мне не хватило упорства и духа,
Раз я позабыл то, что мог — и не сделал для вас.

И я поражён: я раздавлен, убит и унижен.
Я был лишь строкой, что легла на пергамент лица.
Теперь вы исчезли, но ваше дыхание — ближе,
И золото прядей ложится узором кольца.

Всё тот же билет — и всё те же слова на прощанье.
Всё тот же вокзал: он опять очарован тобой.
И тот же отшельник корзину с чужими вещами
Сжимает ладонью, смешавшись с безликой толпой.

Теперь я уйду и, наверное, стану серьёзней,
А может быть, просто открою Седьмую Печать.
Я больше не встану, и это до ужаса просто:
Не вовремя спеть и не в лучший момент промолчать.

Буду с тобой

Когда устану терять,
Смешавшись с серой толпой,
Я вновь увижу тебя
И снова буду с тобой.

Когда закончатся дни,
То — даже в сердце твоём —
Мы снова будем одни, —
И снова будем вдвоём.

Когда стихи отомрут,
Когда проснётся печаль,
Я дверь твою отопру
Твои восходы встречать.

Было время

Было время — и я любил,
Кутал в пальцах холодных плечи,
И Звезда посланником Вечности
Зажигалась над льдом могил.

Но Любовь обратилась в гниль
И укуталась в серый плач,
Из суставов смех выворачивая,
Оставляя на сердце пыль.

Было время — и тень тоски
Заломила за цену руки.
Я готов был кричать в испуге,
И лишь Вера смогла спасти.

Камень сердца в груди раскис,
Приумолк молчания зверь,
Но зато я учился верить,
Презирая дорогу вниз.

Было время — и был удар:
То, во что я верил, умчалось,
И стрелой мне в горло отчаянье
Устремилось, покинув старт.

Я готов был поверить в март
И в узор прозрачных одежд,
Но тогда появилась Надежда,
Что ещё я не слишком стар.

Было время — жесточе всех,
Что стояли, храня свой век.
Мне наскучило быть человеком
И я начал паденье вверх.

Отраженьем закрытых век
Загорелись мои костры.
Я увидел то, что сокрыто,
И ускорил свой быстрый бег.

Было время... Оно ушло.
Только мыслей искры остались,
Только пламени сердца сталь,
Только глаз цветное стекло...

В., Н., А.

Любовь — обман. Есть только ночь,
Есть только утро, день и вечер.
Оружье — прочь! Доспехи — прочь!
Оставим только сны да свечи.

Надежда — ложь. Есть только Путь:
путь без Тебя и Путь с Тобою.
И не прилечь, и не вздохнуть,
и нет забвенья и покоя.

И Веры нет! Есть лишь мечта:
мечта о том, чего не будет.
А сзади — лёд и пустота:
и те же сны, и те же люди...

В начале было Слово

Видишь: в небе — твоя звезда?
Слышишь: в небе звучит твой смех?
Слишком страшное слово: ВСЕГДА,
Слишком глупое слово: ДЛЯ ВСЕХ.

Слишком странное слово: СТРАХ,
Слишком дивное слово: СМЕРТЬ...
Видишь: храм на семи ветрах?
Слышишь: ветер ломает твердь?

Видишь: в небе горят мосты?
Слышишь: капает с неба кровь?
Слишком близкое слово: ТЫ,
И далёкое слово: ЛЮБОВЬ.

В Обе Стороны Дня

Запах жжёной мечты
пресноводной слезой
Закрывает глаза
и сердце перехлест,
По которому ты
проскользнула рукой
И небес образа
посрывала со звёзд.

Я хочу ускользнуть
в светляков огоньки
От свинцовых завес
и усталости сна,
И предсердия муть
чёрной кровью реки
Освещает с небес
молодая луна.

Я в весёлый раздол
без тебя поплетусь,
Ты в печальный покой
убежишь без меня,
Улетая от зол
в серебристую грусть:
По дороге одной —
в обе стороны дня.

Воспоминания

1

А помнишь, мы бегали вместе
По нашему милому садику
И слушали сплетни известий
В программах центрального радио?

А помнишь, мы брались за руки
И мчались куда-то по лестнице, —
Вдвоём, без печали, без скуки,
Отдавшись святой неизвестности?

А помнишь... да сам я не помню...
С тех пор пролетели столетия...
И, скрывшись под отблеском молнии,
Останусь, свободный, на свете я.

2

А помнишь... мы с тобой... когда-то...
А хорошо бы... нам... опять...
Качнётся облако заката...
Примерно... в 20-45...

В оправках варварского ритма
По кругу лошади летят...
И снова... пальцы режет бритва...
Примерно... в 20-50...

И на ковре кровавых пятен —
Следы... И светят фонари
Луны в глазах оконных впадин...
Примерно... в 22-03...

А помнишь... променяв свой терем
На баррикад пустую шесть...
Но ты... забудешь о потере...
Примерно... в 23-06...

Встреча

...И мы встретимся, — день придёт:
Мы заплачем, устав смеяться, —
И аккорды волчьего клацанья
Принесут нам любви полёт.

И мы спрячем рука в руке,
И мы сделаем всё как надо.
Мы успеем встрече обрадоваться —
И умчимся вниз по реке.

Глаза

Две луны. Два холодных глаза.
Два души восковой окна.
Что им детская злая фраза,—
Им, познавшим молчание Дна?

Что им ласковый ветер с юга,
Разрывающий в клочья сталь?!
«Мы уже не встретим друг друга»,—
И привычное: «Очень жаль...»

Две луны. Два холодных глаза.
Нет в них ночи, и дня в них нет.
Подмигнули — *четыре раза*—
И закрылись: искать ответ.

Гнездо

Мне эта печаль — обещана.
Я вижу судьбу без слов.
Ты больше, чем просто — женщина:
Ты лодки моей весло.

Я слышал, ты мне ответила, —
Но я позабыл вопрос.
Осталась в душе отметина
От пряди твоих волос.

Дорога моя — не пройдена:
Я помню свой первый вздох.
Ты больше, чем просто — родина:
Ты мыслей моих гнездо.

Два часа до утра

Я убит темнотой, я обманут дождём,
Я не в силах воскликнуть «ура!»,
Но упрямо твержу: «Ничего, подождём:
Есть ещё два часа до утра!»

Ты приходишь с Небес во Второй Час Быка,
Разгоняя полуночный свет,
И прощаешься тихим, как ветер, «пока!»,
Уходя в вероломный рассвет.

Твои руки — как камень, глаза — как вода;
На берёзе — следы топора.
Это всё ничего, это всё ерунда:
Есть ещё два часа до утра!

Я смешаю твой голос с журчаньем ручьёв
И твой взгляд — с кинолентой времён.
Я же знаю, что ты — не моя и ничья,
Я же знаю, что ты — только сон.

Я не знаю, какой теперь месяц и час,
И никто мне не скажет «пора!..»
Только я до сих пор верю в то, что у нас
Есть ещё два часа до утра.

День и ночь

Эта ночь... что мне ночь,
если нету тебя?
За окном — фонарей светляки.
Тучи порваны в клочья,
трамваи скрипят,
Молча звёзды блестят, далеки.

Этот день... что мне день,
если ты не со мной?
Что мне солнце, когда я один?
Что не купишь за деньги,
печальной струной
Мелодично звенит среди льдин.

День Рождения

На лица ляжет тень
Ответным выстрелом.
На каменной плите
Морщины взбыстрились.

Живём, листаем сны
Кирпичным сумраком,
И в дуновенье — шмыг! —
Солёной скумбрией.

А в пуговицах глаз
Мелькают молнии,
И туча улеглась
Под колокольнями.

На лица ляжет тень
Смешным видением.
Последний день:
День Твоего Рождения.

Для тебя

Ты жалеешь меня? Не надо!
Я останусь таким, как был.
Я все прелести Райского Сада
 Не любил.

Понимаешь меня, не сто́ит —
Не пытайся! — меня жалеть:
Мне так хочется ночью из строя
 Улететь!

Ты заплачешь по мне? Не нужно!
Смейся, смейся по мне, не плачь!
Пусть несётся — ко мне — по лужам —
 Мой палач!

Улыбаешься ты сквозь слёзы? —
Ладно, Бог с тобой, ну и пусть:
Сквозь туман, сквозь пожар и грозы
 Я вернусь!

Я вернусь и скажу: «Не ждали?!
Что, могила меня возьмёт?!»
Мы отбросим с тобой печали,
 И — в полёт!

Ты жалеешь меня? Не надо!
Не жалею ни меня, ни себя!
Я вернулся домой — из Ада —
 Для тебя.

Довле

Я вас любил. Давно. И довле!
А может быть, и не любил.
Я к погребенью приготовлю
Себе курган в глухой степи.

И что с того? Любви итоги
Забылись, как вчерашний сон.
Цветные мантии и тоги —
На всяк манер, на всяк фасон.

В сраженьи против Чёрных Сотен
Меня сглотнуло чрево стогн.
А солнце — скрылось в горизонте
И укатилось на восток.

Дорога обратно

Я с тобой!.. Расколем небес скорлупку
Сапогами, блестящими в свете солнца!
Вырвем когтями усмешки хрупкие,
Бросая сердца в колодцы!

Протопчемся, за собой оставляя пустыню,
Печатая шаг кровавыми пятнами,
И в пламени смерти вовек не остынет
Тропа возвращенья обратно.

Дочь Тростника

На снегу ли? на белой ли ткани?—
Я ищу тебя, Дочь Тростника!—
И от этих безумных исканий
Спят забытого утра снега.

Сколько лет? сколько вёсен и зим?—
Тех, в которых останется осень,—
Поднимались тайком из низин
Пики-мачты обветренных сосен.

Позабыто всё то, что люблю.
Взгляд направляю в лицо кораблю.
Исцарапаю белые стены,
Что хранили молчание плена.

Ветер хлещет прибрежные травы,—
Так скорей задержите ветра вы!
Вместо этой ненужной возни
Пусть молчит полусонный тростник!

Солнце! — свет твой — как облако пыли,—
Чёрный ветер безмолвно прожёт.
Просто тигру даётся прыжок,
Вволю бредится сивой кобыле.

Я ищу тебя, Дочь Тростника!
Я найду тебя: в ветра осколках,—
И тропа Одинокого Волка
Облечётся в седые снега.

Дронг

Умираю — как Дронг: навсегда, безвозвратно, нелепо.
Покидаю — тебя, что, наверно, больше всего.
Время давит на грудь, словно стены могильного склепа,
На посмертную маску сменивши моё естество.

Ты не станешь рыдать: это только утроит страданья, —
И не станешь будить: это лишь помешает понять.
На сияние звёзд я меняю квадратные зданья,
Чтобы ты отдохнула — хоть несколько лет — от меня.

А потом — я вернусь, словно птица, к началу полёта,
И бескрылые дронты, пушок облаков тебе,
Полетят вслед за мной, как за пращуром птичьего рода,
Чтоб у Врат Мирозданья я снова увидел тебя.

Дыхание старости

Ваши волосы — с бликами проседи,
И мои — не в зелёной листве-то.
Вы меня ни о чём уж не спросите,
Да и я уж не помню ответа.

Как железные панцири — ржавчина,
Вашу кожу прорвали морщины.
С приближением ночи не жарче нам,
Да и я уж давно не мужчина.

Стал неискренне-приторным жара стих,
Молотилкою лет искалечен.
Не укрыться от смерти и старости,
Не зажечь дуновением свечи.

Единение

Ты скользнёшь на траву и застынешь, нагая,
Чтобы я из тебя своё сердце лепил.
Ты растаешь от страсти, нелепо-другая,
Чем девчонка, которую я полюбил.

Мы коснёмся страшнейшей из таен Вселенной,
Чтобы звёзды с тобой говорили «на вы»...
А потом — мы уйдём, вырывая из плена
Обгоревшие листья весенней травы.

Её походка — в стиле рэггей,
Его походка — рок-н-ролл.
Над ними, на холодном берегу,
Печальный месяц вновь взошёл.

Их волосы вплетутся в травы,
Их руки прирастут к камням,
Их дым костра возьмёт в оправу,
Туманом утренним обняв.

Она глядит — и видит звёзды,
Он — отражение их в воде,
И снова встанет Перекрёсток,
Свой крест на шею им надев.

Лаская белый пух небесный,
Как тонкий белый мех зверька,
Они опять застынут в креслах,
Услышав шелест озера.

Их руки свет подлунный крепит,
И, заключив с судьбой пари,
Он и она исчезнут в небе,
Вернувшись с птицами в Париж.

Заколдовали

Заколдовали этот день,
А ночь оставили нетленной,
И отпускают по воде
Цветное облако Вселенной.

Ручей звенит: он полон сил, —
А берег мрачен и недвижим:
Он в грёзах видится вблизи,
Но наяву — стократно ближе.

В цветной туман не опрокинь
Мечтаний радужное знамя:
Сплетутся вместе две руки
Цветущим парусом над нами.

И облако умчится прочь,
Чтобы для нас по всем Вселенным
Заколдовали эту ночь, —
А день — оставили нетленным.

Зачатие стихов

Уплывают стихи за стихами,
Плотник платит за плотную плоть,
И кузнечными злыми мехами
Мы не в силах себя побороть.

Зацелованы холодом сна,
Мы глядим друг на друга тайком.
Просыпайся! приходит война,
Водружая звезду над райком.

Нелегко нам приходится, ведь мы
Не дрожим в ожиданье костра,
Колдуны, вурдалаки и ведьмы,
Запотевших небес доктора.

Я читаю чужие стихи
На морозных страницах окна,
И меня *пробирает хи-хи*,
И меня убивает весна.

Наши сны расцарапаны Вуду,
Выпивающим миску вина,
И за фразой «*я больше не буду*»
Наступает слепая весна.

Я вдыхаю флюиды духов
От волны твоих мягких волос,
И зачатие новых стихов
Принимаю почти что всерьёз.

* * *

За что я получил в награду
Пустынных улиц ураган,
И все Врата Калининграда
Зачем швырнул к твоим ногам?

Зачем я поделился горем?
Зачем об этом я сказал
В тот день, когда смеялся морем
Бескрылый Северный вокзал?

Меня не выдержала Площадь,
А зимний дождь меня убил.
И было б всё гораздо проще,
Когда бы я тебя любил.

Звезда

Я достану с неба звезду,
Но её тебе не отдам.
Ты попросишь — и я приду,
Не попросишь — приду я сам.

О любви мне песен не петь:
Эта песня — не о любви!
Ах, как много нужно успеть,
А потом... зови — не зови!

Кто-то скажет — не верьте им! —
Что звезда — одна на двоих:
Человек — он всегда один,
Даже если — среди других.

Люди ЗДЕСЬ — точно звёзды ТАМ,
Среди звёздных дорог и троп.
Ах, как мало осталось нам,
А потом... потом хоть потоп!

Ты сорви звезду — для себя,
А себе — я достану сам.
Будем мы любить — НЕ ЛЮБЯ, —
И — вперёд: вперёд к небесам!

Ах, как мало осталось нам!
Ах, как много нужно успеть!
Полетим вдвоём к небесам:
Будем вместе в небе гореть!

Звезда в ночи

Спускалась ночь. Последние лучи
Со звоном разбивались об утёсы.
Звенела ночь, и облаком в ночи
Рассыпались холодные вопросы.

Вставали звёзды каплями дождя,
Печальные посланницы туманов,
И средь седых закатов бытия
Не слышно было голосов и планов.

Мерцала ночь, и в звёздной вышине
Горела, одинока и упряма,
Звезда моя среди ночных теней,
Блистая изумрудными огнями.

Но вот безумный ветер налетел,
Задул огонь звезды моей зелёной,—
И вот уж день сверкает в пустоте,
И солнце обрамляется короной.

Моя звезда светла и далека,
И свет её укутан облаками,
А я бреду навстречу светлякам,
В надежде отыскать её сиянье.

Зелёная Полночная Звезда

Зелёный лист дрожит под натиском огня,
Зима уходит под настилы льда,
И вслед за нею вдаль уходит от меня
Зелёная Полночная Звезда.

Блестит святая Ночь смертельным мраком Дня,
За горы улетаая навсегда,
И вслед за нею улетаает от меня
Зелёная Полночная Звезда.

Печально воет ветер, за собой маня
Весёлые, беспечные года,
И с ними вместе убегает от меня
Зелёная Полночная Звезда.

Пускай летят стрелой два вороных коня
В небесные ночные города,
Но с высоты Небес взирает на меня
Зелёная Полночная Звезда.

Зимний морс

Мы сидели за маленьким столиком,
А над нами звенела весна.
Мы смеялись, назло алкоголикам,
И не пили ни грамма вина.

И я спорил с тобою о вечности,
А в стакане плескался дюшес,
И сплетались в пожатьях конечности,
И шампанским искрились в душе.

А потом под июльскими листьями
Мы с тобой любовались звездой,
И ничто не открыло нам истины,
И никто не сказал нам: «Постой!»

И я думал — ничто не изменится.
Я потягивал в трубочку ром.
Ты казалась небесною пленницей
И светила туманным огнём.

Но, как водится, осень-проказница
Раскидала листву по траве.
Журавли улетают и дразнятся,
С высоты отвечая листве.

Я смеялся, промокший и радостный,
И смотрел в холодеющий чай.
Мы жевали восточные сладости
В день, когда ты сказала: «Прощай!»

Разбегалась небесная конница,
И над нами смеялась зима,
Только нам всё по-прежнему помнятся
Дни, когда мы сходили с ума.

Я смотрелся блистательным лидером
И потягивал в трубочку морс.
Я укутал тебя своим свитером—
И при этом совсем не замёрз.

Или нет?

Ты уйдёшь —
или нет?

Ты уснёшь —
или нет?

Это тьма
или свет?

Ты сама
мне в ответ
прокричи.

Ты одна —
или нет?

Ты ОНА —
или нет?

Жги мосты
мне вослед, —

Только ты
мне в ответ
не молчи.

Переход,
перелёт —

Через год,
через лёд...

Ты уснёшь —
он уснёт,

Ты уйдёшь —
он уйдёт

навсегда.

Сотни лет
мне в ответ

Пересвист,
пересвет,

Перелисток
газет...

Твой ответ —
или нет,

или да...

Исцеленье

Научи меня играть
на гитаре!
Я попробую спеть, как смогу,
и, быть может,
Я пойму, что когда-нибудь мне
ты подарить...
Только это мне уже
не поможет.

Научи меня любить!
Я сумею!
Я легко понимаю твои
наставленья.
И когда я потеряю весь мир,
я успею
Отыскать своей души
исцеленье.

Как трудно

Как трудно сказать — «прощайте!»
Как больно любить — не вас.
Найти бы свой путь в асфальте —
Туда, где журчит Нева!

Остаться бы с глазу на глаз:
В глазах у вас — пустота.
Я слышал, что это — наглость, —
Но это не просто так.

Я вижу: меня — не помнят.
Я знаю: я здесь чужой.
Изгнали меня из комнат,
Которым я был душой.

Как трудно, когда подтёрта
Слезами строка письма!..
И что-то течёт в аорту,
Разбавленное весьма.

Колыбель

Ты приносишь мне дождь поутру
В белоснежных ладонях весны,
Чтоб назавтра предать топору
Золотисто-хрустальные сны.

Ты приносишь мне вечером снег
В окровавленном клюве совы,
Нарушая размеренный бег —
То ли Волги, а то ли Невы.

Ты приносишь мне синий туман
Из страны золотых миражей.
Я не верю, что это обман,
И не брошусь под когти ножей!

Ты опять устремляешься вдаль
Через ветер, огонь и метель.
Принеси мне святую печаль
В золотую мою колыбель!

Леди

Жёсткий рот, — сразу видно, не скромница,
Сразу видно, железная леди!
В воскресенье... мне помнится... помнится,
С топором ты пошла на медведя.

С топором... или, может, с рогатиной?..
Я не помню уж, честное слово!..
И зачем тебе вдруг — медвежатина?
Чем тебе не по вкусу корова?

Жёсткий рот... А ты скажешь ли, вправе я
Хоть во сне называть тебя — *милый?*..
Но молчала в ответ фотография
На надгробной плите над могилой.

Леопардовый лес

Леопардовый лес,
леопардовый сон...
В это время чудес
я в тебя не влюблён.

Тихо ветер шумит
в лабиринте ветвей.
Этот сон не забыт
за реальностью дней!

Где хозяин тайги —
жёлто-зёбровый тигр,
Не слышны там шаги
леопардовых игр.

Но вокруг, как всегда,
леопардовый лес:
Голубая вода,
серый саван небес.

Чернопятных следов
в жёлтой шкуре песка
Не видать из-за снов
рокового броска.

Леопардовых лет
краснокожий закат,
Желтошкурый рассвет
черновласовых пятн.

Леопардовый сон,
леопардовый лес...
Не в тебя я влюблён:
в это время чудес!

ЛИШЬ ТОГДА

...а если я когда-нибудь умру,
то пусть кричат деревья поутру,
что не было меня на этом свете,
поющего сквозь пелену столетий
среди сплошных булыжниковых груд;
и пусть мой дух деревьям отдадут,
чтоб не угас мерцающий светильник,
чтоб не свалил акацию напильник, —
и пусть звезда посмотрит на звезду
и вспомнит, что когда-то я приду:
приду опять в величие и силе,
отвечу вам, что вы бы ни спросили,
огонь светил дыханием задув
и обнажив свой оловянный клюв;
и лишь тогда, избавившись от скверны,
смогу я отыскать тебя, наверно,
и, дуя ветром в парус кораблю,
сказать тебе, что я тебя люблю.

Локон

Зацелуйте меня до дрожи!
Обнимите меня до смерти!
Ничего для меня дороже
Нет на этом безумном свете.

Подарите мне тонкий локон, —
Тот, что солнцем горячим выжжен.
Я смотрю из высотных окон
И лишь вашу фигурку вижу.

Я в глаза посмотрю вам просто,
И заплачете вы от ветра.
Но никто не задаст вопроса,
И не скажет никто ответа.

Магия слов

Я снова стал писать тебе стихи.
Зачем? и почему? — увы, не помню я.
Они во мне проносятся, как молнии,
Серьёзны, ослепительны, лихи.

А ты — читаешь ли смешные сны,
Которые скрываю на бумаге я?
Ответь, — и слов таинственная магия
Мне принесёт мерцанье новизны.

Метрополия

Гвоздика, фиалка, магнолия, —
Чего тебе там не хватает?
Раздавит тебя метрополия —
Столица твоя золотая.

Кубышка, секвойя, вельвичия, —
Что в сердце холодном томится?
Тебя искалечит величие
Твоей изумрудной столицы.

Тюльпан, каланхое, акация, —
Не глупо ль бояться законов?
Вовек не устану скитаться я
В руинах твоих вавилонов.

Мои стихи

Мои стихи — птенцы и птеродактили —
Дроздятами выходят из-под рук,
И льются амфибрахии и дактили
По волосам незнакомых подруг.

Мои стихи — кресты и муравейники —
Возводятся дворцами из песка.
Венки сонетов сменяются на веники,
Забьются гемолимфою в висках.

Мои стихи — мелодии и мельницы —
Скрипят и машут крыльями свечей,
Туманятся, темнятся и метелятся,
И отдыхают на твоём плече.

Музыка

Трубач! труби подъём!
Скрипач! скрипи отбой! —
Чтоб были мы вдвоём
с тобой!

Флейтист! флейти́ для нас!
Органь нам, органист!
Играйте рэггей, джаз
и твист!

Скрипач! скрипи восход!
Трубач! труби закат!
Пусть кровь кротом скребёт
в висках-тисках!

Мумия

Уйди! ты некрасивая!
Бинты твои пахнут прелью.
Любовница некрофиловая,
Ты лишь для него будешь прелестью.

В могильном холодном шуме
Тебе так ли много нужно?..
Увитая плесенью мумия,
Ты ждёшь некрофила — мужем.

Мысли вслух о том, чего нет

Я не вою от тоски на луну,
Не пытаюсь вены вскрыть себе ножом,
Но никак я не пойму, почему
Одиноким Волком быть мне хорошо.

Я сжимаю острый Меч свой в руках,
И кручусь вовсю, как белка в колесе.
А вокруг меня кипит карабах:
И стреляют, и грызутся тут все.

А когда настанет время моё,
Кто помянет Одинокого Волчка?
Над могилою моей кто споёт?
Этого не знаю я пока.

Эх, Волчица, ты из Стаи одна
Вспоминать не перестанешь обо мне!
Ты пришла ко мне из странного сна...
Может быть, тебя и вовсе нет...

Всё равно, мечта моя ты иль сон,
Но исчезну я, как бабочка в снегу.
Нет, не думай, что в тебя я влюблён:
Я любить с Начала Мира не могу.

Быть как я не пожелаю никому:
Волком выть готов, крутиться волчком...
Но не вою от тоски на луну.
Не пытаюсь вены вскрыть себе ножом.

На берегу реки

Шуршат ветвями ивы,
Кружатся лепестки.
Смотрите, как красиво
На берегу реки!

В ветвях щебечут птицы,
Близки и далеки.
Сегодня мне не спится
На берегу реки.

Обманчивы и зыбки
Созвездий огоньки,
Как тень твоей улыбки
На берегу реки.

Надгробный стих

Ты ушла, не простившись,
Ты ушла, не проснувшись,
До утра нагостившись,
На закат повернувшись,
Да заплаткой нашившись
На слепую минувшесть.

Ты ушла рано утром
В сердце раненным ветром,
Проповедником мудрым,
Современным оркестром,
Дополнением к сутрам,
Укороченным метром.

Ты покинула Стаю,
Как пещеру злодея,
Безмятежно растая,
Безысходно чистая,
Умерев, как пустая,
Озорная затея.

Надежда

Я надеждой
себя не тешу,
что,
презрев роковой характер,
я смогу отыскать
Надежду
на пустынном
осеннем тракте.

Я хотел бы уйти, —
но где же,
белых звёзд расплескавши млечность,
обитает
моя Надежда
на моё возвращенье в Вечность?

Мой закат
за рекой не брезжит.
Моё солнце —
ещё в зените.
Сколько раз
я хотел
Надежду
поманить,
потянуть за нити,

чтоб ступить на тропу...
Но прежде,
раскидав серых пятен талость,
Я хотел
подарить Надежде
то,
что в сердце больном осталось.

Я надеялся жить...
Но те же
сны
свернули мой Путь в спирали.
Не осталось в груди надежды...
И —
вороны
глаза
украли.

* * *

На кого ты меня променял?
На безумного ветра леди?
Почему ты теперь про меня
Полумраком ночей не бредишь?

Узнавая меня в темноте,
Освяти свои руки блеском.
Не меняй темноту на день,
И приютом моим не брезгуй.

Всё равно, всё равно из глаз
Искры сыплются в мох осенний,
И святой пустоты игла
В моём сердце печаль поселит.

На кого ты меня променял?
На холодного ветра деву?.. —
И безмолвная смерть меня
В белый саван тоски оденет.

Напиши мне письмо

Завяжи узелок,
Я останусь с тобой.
Напиши мне письмо,
Я заклею конверт.
Если ляжет зеро,
Надо всё сделать, чтоб
Я бы — выдержать смог,
Ты — вернулась ко мне.

Напиши мне письмо
Обо мне и тебе,
Чтоб я смог прочитать
То, чего не найти.
Этот белый листок
Бросит искоса свет.
Я тебе не чета,
Нам с тобой по пути.

Напиши что-нибудь,
Я заклею конверт,
Я отвечу тебе
На чужом языке.
Не узнай, не забудь,
Не пытайся — на свет,
Не пытайся успеть,
Если знаешь, за кем.

Два пути, два лица,
И рука на плече.
Заколдованный май,
Безымянный апрель.
Чтоб смотрели глаза,
Да смеялся ручей,
Да ловила луна
Соловьиную трель.

На первый шаг

И ненавидеть не смогу,
И полюбить не в состоянье.
Она растает на снегу
В короткий день Солнцестоянья.

И не удастся позабыть,
И вспомнить не позволит время.
Она скользнёт среди травы,
Стыдливо скрытая апрелем.

И не увидеть в темноте,
И глаз не отвести в сиянье:
Её укроют ночь и день
На летней, радостной поляне.

Не потерять и не найти:
Воздушный Змей её уносит.
Её, заметив на пути,
Грибным дождём умоет осень.

Она поднимется — и вдруг
Раскроется небесным сводом
И упадёт Звездой Свободы
На первый шаг, из первых рук.

Не верь!

Не верь мне, если я скажу,
Что я тебя люблю.
Я небесами ворожу
Под сенью третьих блюд.

Не верь ему, коль скажет он,
Что любит он тебя.
Летит над берегом дракон,
Когда курганы спят.

Не смейся, если голове
Клянётся голова.
Не верь — прошу тебя! не верь! —
Обманчивым словам!

Не говори

Не говори «счастливо!»,
А пожелай удач!
Проносится тоскливо
Над головой палач.

Иду своей дорогой
Сквозь бурелом весны,
Теря понемногу
Мечтания и сны.

Не говори «до встречи!»:
Скажи мне лишь «пока!»,
Когда погаснут свечи,
Горевшие века.

А чтобы сберегли мы
Тепло сердец и рук,
Ты не шепчи «любимый!»,
А прокричи — «мой друг!»

Не дарите!

Не дарите девушкам цветы,
Не водите их по ресторанам,
Не влюбляйтесь из-за красоты:
Красота соседствует с обманом!

Не болтайте с ними о любви,
Не целуйтесь с ними по подъездам,
Не хвалите их прелестный вид
Голосом, наполненным железа!

Не срывайте на пустой галдёж
Провода домашних телефонов,
Не хвалите нашу молодёжь
За подарки злобных купидонов!

Лучше под сиянием луны
Посидите с девушкой на крыше,
Над простором каменной страны
Поднимаясь всё быстрее и выше,

Съешьте с нею сливочный пломбир
На свои оставшиеся деньги,
Подарите ей — не целый мир,
А всего — две бисерные феньки,

Помолчите с нею на ходу,
Провожая вечером до дома,
Помолитесь вместе на Звезду —
На Звезду, что только вам знакома,

Шёпот слов бросайте, как салют,
Ерунду прекрасную несите, —
Только всуе — Я — ТЕБЯ — ЛЮБЛЮ —
Ради Бога, не произносите!

Незнакомка

Потеряйся в толпе, Незнакомка:
Я хочу позабыть о тебе.
Пусть трамвайная жёлтая кромка
Не уступит дорогу ходьбе!

Эти милые, тонкие брови,
Этот лёгкий, серебряный взгляд...
Что мне вечер с тобой уготовит?
Что мне встречи с тобою сулят?

Незнакомка, мне правда нечасто
Удаётся найти среди лиц
Что-то близкое мне, — и сейчас ты —
Словно перья неведомых птиц.

Пять минут — и уже далеко мы.
Пять минут — и разрыв навсегда.
Мы с тобою *трамвайно знакомы*, —
И не встретимся вновь никогда.

Нелюбовь

Заводи карусель обратную! —
Мы кассету *на цикл* поставили.
Подходи! я тебя обрадую:
Я тебя НЕЛЮБЛЮ по-старому!

Здесь повеяло хвойной свежестью
И какой-то ночной интимностью.
Ты меня НЕЛЮБИЛА с нежностью.
Я тебе отвечал взаимностью.

Проплыву стороной да мимо я:
Подходи! я тебя обрадую!..
Дорогая моя! Нелюбимая!
Заводи карусель обратную!

Ника

А за что бы лязгнула Ника
Чёрной сталью по сердцу ножен?
Он заштопан красною ниткой,
Без того ослеплён и нежен.

А зачем бы она осталась
На ковре, небосвод стреножа?
Он зацементирован в анналы стали,
Словно в детском пустом манеже.

Поднимайся Победой! ну же!
Полосни по закатам алым!
Занимая чужую нишу,
Отыщи для меня аналог!

Этот миг, что для счастья нужен,
Поднимает флаги печали,
И полёт метеора снижен
На момент чужого молчанья.

Ништяк

Ты давно мне не снилась, не глючилась,
Не являлась в кофейной гуще.
Ты без южного солнца соскучилась,
Я — без Вечного Лета Ждущим.

В этом мире, где мне всё по фигу,
Всё до задницы, всё по сараю,
Слишком много душевных дистрофиков,
Слишком много машин и трамваев.

При понтах, чтобы всё по-кайфовому,
Разукрасив феньками руки,
Я пытаюсь осмыслить по-новому
Телевизоров странные глюки.

В той стране, где цивилиы с мажорами
Лечат нас о всемирном благе,
Забросать я готов помидорами
Государства трёхцветные флаги.

Много лет я тебе не глючился
В государстве — то дум, то советов...
Ништяком для тех, кто отмучился,
Будет всё-таки — Вечное Лето!

Ну и пусть!

Или плюй,
или блюй:
— Поцелуй! —
— Не люблю!
Пожалей
и залей,
и желе —
в Мавзолей,
и огни —
наизусть...
Мы одни? —
Ну и пусть!

Окно

Там горит твоё окно,
Но не для меня.
Я тебе не нужен, но
Это всё фигня.

Этот лучик из окна
Скоро пропадёт, —
Но зато горит луна,
И звезда встаёт.

Светят мне на небесах
Тысячи огней:
Не замрут мои глаза
На твоём окне!

О Любви

1. Не любя

Кто-то полюбит тебя:
всё может быть...
Можно ведь и НЕ ЛЮБЯ
всё же — любить.

Кажется — даже смешно:
кто-то уйдёт, —
Только посмотришь в окно —
солнце встаёт.

Солнце встаёт для тебя,
путь озарить.
Можно ведь и не любя
всё же — любить.

Только меня позови —
вот мой ответ:
— Дружба — сильнее любви, —
так или нет?

Так или нет, но тебя
мне не забыть...
Можно ведь и не любя
всё же — любить.

Пусть это будет другой —
он, а не я, —
Только пойми: я — не ТВОЙ,
ты — не МОЯ.

Я сохраню для тебя
прошлого нить:
Можно ведь и не любя
всё же — любить.

Только меня позови
через года, —
Дружба — сильнее любви! —
помни всегда.

Кто-то полюбит тебя:
всё может быть...
Можно ведь и НЕ ЛЮБЯ
всё же — любить.

2. Чёрный тюльпан

Чёрный тюльпан за окном, —
траурный цвет!..

Мы не встречаем вдвоём
этот рассвет,

Ты мне не даришь цветы
этой весной:

Я — не ТВОЯ, но и ты
тоже — не МОЙ.

Чёрный тюльпан за окном, —
траурный цвет!..

Ты говорил о ДРУГОМ?
Нет, друг мой, нет!

Я понимаю тебя, —
всё может быть:

Можно любить — НЕ ЛЮБЯ,
можно — ЛЮБИТЬ.

Чёрный тюльпан за окном, —
траурный цвет!..

Пусть же окажется сном
этот ответ.

В память об этих словах
лишь позови!..

Пусть же останется в снах
песня любви.

Чёрный тюльпан за окном, —
траурный цвет!..

Кажется, ты мне знаком
тысячи лет!

Мы не сидим при луне
и до зари

В небо не смотрим, — но мне
ты подари

Чёрный тюльпан за окном, —
траурный цвет!..

Мы не встречаем вдвоём
этот рассвет...

Она

Если ты в него влюблена,
Если ты давно не одна,
Значит, ты — опять не ОНА...
А тогда ты мне — на хрена?

Если ты в меня влюблена
И лишилась счастья и сна,
Значит, снова ты — не ОНА,
И таких, как ты — до хрена.

Если ты навеки одна,
А на сердце твоём — весна,
Значит, ты, возможно, — ОНА...
Только нет таких ни хрена!

Она приходит в сновиденьях

Она приходит в сновиденьях,
садится рядом, —
И веет тёплым дуновеньем,
холодным взглядом.

Мы улыбаемся надежде —
ночное знамя! —
И перекинемся, как прежде,
двумя словами.

А после, за окном раскрытым
когда светает,
В моём сознании забытом
она растает.

Она зовётся Ариэлью...
Я вспоминаю
Про те прекрасные мгновенья
в преддверьях Рая.

А за холодным дуновеньем —
ответное...
Она — приходит в сновиденьях:
здесь нет Её.

От любви до войны

От любви до войны — только шаг.
От войны до любви — долгий путь.
Мне вдогонку спустили собак.
Я не вижу причин отдохнуть.

Я плетусь, как старик Дон Кихот,
На усталом троянском коне,
И никто мне не крикнет «вперёд!»
В этой странной и страшной войне.

Сквозь кошмары и добрые сны,
По колено в вине и крови,
Я прошёл — от любви до войны,
И пройду — от войны до любви.

Осколок Зеркала

Ты такая доверчивая,
что даже странно.
И остаться б до вечера,
да как-то страшно.

Наше зеркало — треснутое,
и это слишком, —
ведь под громом оркестровым
тебя не слышно.

Свечи тают. И самого
не понять сокровенного.
Только плачут экзаменом
осколки зеркала.

Отметина

Всё так же печальны, всё так же строги
Глаза её, сдёрнутые отметиной.
И нет ни звука. Нет ни строки,
Которая мне бы была отмерена.

Умолкло всё. Победённых — нет.
Глоток обмана — из спелой чаши.
И лишь хрустальную гладь планет
По-прежнему всполохи скрашивают...

Оттенки молчания

Высекаю на камне озеро
Января,
И с утра до вечера позднего
Я твоя.

Разукрашу огнём серебряным
Сонный час.
Я могу от тебя потребовать
Только часть.

От росы до звёзд по-над куполом —
Наш почин.
Ах, какие мы, всё же, глупые,
Что молчим!

Что нам, друг мой, с тобой до праздника! —
Это яд.
Мы ведь даже молчим — по-разному, —
Ты и я.

Память

Я умру когда-то —
все мы умираем! —
Ни к чему тут жалость,
слёзы при луне...
Мне не нужно Ада,
мне не нужно Рая, —
Только бы осталась
память обо мне.

Что же ты не рада? —
я не понимаю...
Жизнь — она не сахар,
но у всех — своя.
Мне не нужно Ада,
мне не нужно Рая, —
Только бы остались
вместе — ты и я.

Параллельный мир,
или
С пяти и до семи

Открылась Дверь, и я в неё вошёл.
Меня встречал мой параллельный мир.
Я думал, там всё будет хорошо:
Особенно — с пяти и до семи.

Да, здесь теплее: здесь не дышит лёд.
Здесь всё понятно, всё — без лишних слов.
Но почему мне хочется в полёт
До незнакомых дальних берегов?

Мой параллельный мир, — он исчезал,
И я увидел только в этот мир
Тот край, где светят мне твои глаза:
Особенно — с пяти и до семи.

Перед Гранью

Алый шёлк полощется:
Алый шёлк как кровь.
Меж холмами — рощица
Да огонь костров.

Мы с тобой не встретимся:
Между нами — Смерть.
Чёрные созвездия
Расплетают сеть.

След стрелы в предплечие
Да кровавый шрам:
Пилигримы Вечности
Покидают Храм.

К берегу паучьему
Полетит стрела:
Ты давно приучена
К перепутьям зла.

Нам щитом от нечисти —
Отблески огня:
На Вершинах Вечности
Ты найдёшь меня.

Печаль

Прощай,
и если
суждено,
То — навсегда
прощай!
Печаль,
и песни,
и вино,
И на года —
печаль...

Плакать звёздами

Не сестра,
 не жена,
 не любовница,
но такая, что —
 не дыши, —
пронеслась,
 будто Красная Конница,
через поле
 моей
 души.

То ли звёздами плакать хочется,
то ли просто —
 смеяться
 вплачь:
только с ней
 светло одиночество,
только с ней
 тепло без тепла.

Не догнать,
 не найти,
 не выведать
долгожданного часа встреч:
то ли гнётся
 прибрежной
 ивою,
то ли в поле звенит,
 как меч.

Не сестра,
 не жена,
 не любовница, —
если время
 назначит срок,
наша встреча
 сердцами
 вспомнится
посреди
 заповедных
 строк.

Последние из динозавров

Они заглянули в глаза и увидели в них
Своё отраженье, знакомое с детства до боли,
И каждый из них знал, что это — Последние Дни,
И каждый сказал на прощанье: Я буду с тобою!

А скалы дрожали и трескались напополам,
И падали в пропасть жестокого землетрясения,
И каждый из них был намного сильнее, чем скала,
Но тоже дрожал, и не верил, что будет спасенье.

А злая луна багровела над пляской теней,
И горы плевались слюной кровоточащей лавы.
Они обнялись и, сверкая в смертельном огне,
Застыли драконом — единым, всеильным, двуглавым...

Они продолжали лежать на сгоревшей траве,
Не спрятав глаза, ничего не оставив на завтра,
А небо смотрело на землю, в которой навек
Уснули в могиле последние из динозавров.

Последний звонок

Это ты? Я звоню тебе. Здравствуй.
Как дела?.. У меня — как обычно.
Как здоровье?.. Как чувствует брат твой?..
Всё в порядке? Ну что же, отлично...

Повтори?.. Нет, звоню не по делу...
Да я хоть бы сейчас — ноги в руки!..
Может быть, поболтать захотелось,
Может быть, умираю со скуки.

Что за звук? Это голос ребёнка?
Колыбельную спой ему, слушай!
Я же помню: ты пела мне звонко,
Пробирая до косточек душу.

Кажется, ему месяцев восемь?..
С половиной?.. Прости, я ошибся...
А ты помнишь — *последнюю осень?*
Помнишь, как я упал и ушибся?

Нет, спасибо, давно всё в порядке.
Помнишь? — я ведь живучий, как кошка.
Только память осталась в тетрадке,
Или, может быть, в сердце. Немножко.

Муж вернулся?.. Ну что же, счастливо,
И звонить мне, пожалуй, не стоит.
Будь здорова, светла и красива!..

Всё... Гудки... Хорошо. Я спокоен...

Ах, какое прекрасное лето!..
Как щебечут за окнами птицы!..
Вот он, чёрный дракон пистолета...
Вот последние злые страницы...

Пустота... Только холод колодцев.
Что за стук в этом ветренном свисте?..
Это сердце в груди моей бьётся, —
Или в стёкла — опавшие листья...

Поэза времён суток

Хоть ты не ходишь по воде,
Но ты — святая.
Свеча горит, и гаснет день,
А звуки — тают.

На изумрудном полотне —
И чёт, и нечет.
Сгорает свет, и плачет снег,
И меркнет вечер.

Пестрит и прыгает в глазах
От синих курток,
Танцует сталь, бежит слеза
И тонет утро.

Очнётся тьма, прогонит прочь
Рассвета завязь,
Погибнет смех, исчезнет ночь,
Но я — останусь.

Принцесса

Принцесса, ты спишь?
Я знаю, твои сновиденья прекрасны.
Ну что ж ты молчишь? —
Напрасно!

Дни Памяти спят.
Принцесса, я сон твоих лет не разрушу:
Я скрою тебя
От стужи.

И если покой
Рукою своей ты разрушишь беспечно,
Я буду с тобой
Навечно.

Просыпайся!

Просыпайся! у нас до рассвета —
Только час и пятнадцать минут.
Ты в ночные одежды одета,
Раскаляя дыханием лето, —
Просыпайся! за нами идут.

Те слова, что не сказаны мною,
Ты услышишь в дыханье камней,
В песне птиц изумрудной весною,
В волчьих стай переливчивом вое, —
И тогда ты вернёшься ко мне.

Просыпайся! рассвет уже рядом.
Только час и пятнадцать минут
Занавесили шторами взгляды,
Только ты почему-то не рада,
Что за нами уже не придут.

Пустота

Не проси меня
ни о чём,
не советуй мне
ничего:
я с тобой
навек обручён,
как стрела —
со своей тетивой.

Не зови,
не смотри мне вслед,
если эта печаль —
свята:
я сияньем твоим
ослеп
и растаял
в твоих цветах.

Запечатай мне небом
вскрик,
погребальным костром
остыв,
если этот рисунок
скрыт
на холсте
Золотой
Пустоты.

Рано или поздно

На небе ночном
Рассыпаны звёзды,
И что ни начнём,
Всегда слишком поздно.

Шуршанье травы...
А старые раны
Заноют, увы,
Опять слишком рано.

Ресница

Что-то мне приснится,
Пробуждая память.
Что же ты, ресница,
Не желаешь падать?

Ты нырнёшь дельфином
В океаны слёз,
Показав мне спину
И забыв вопрос.

Что-то я забуду,
В грязно-серых пятнах
Потеряв рассудок
И найдя обратно.

Мы с тобой различны,
Но сойдём на нет,
На ковёр ресничный
Променяв ответ.

Рождественский сон

Ты пришла ко мне тёмной рождественской ночью:
Смутлолицей зарёй заповедного сна —
В предрассветную сумерь, когда обесточен
Электрических звёзд побледневший фонарь.

Я не знал, что чернее: ночные доспехи
Или кос твоих тонких небесная смоль.
А в зените писали созвездия вехи
Предрассветной — предсмертной — минуты письмо.

Небо сыпало звёзды и ждало оваций,
И купался январь в прошлогодней листве.
Я был счастлив — и так не хотел просыпаться,
Чтобы ты не ушла...
 Но забрезжил рассвет.

Розы цвета гемоглобина

Через песню и прозу,
Через голод и сытость
Я дарю тебе розу
Цвета эритроцитов.

Словно майские грозы,
Словно красные вина,
Пусть горят мои розы
Цвета гемоглобина!

Под горою навоза,
Посреди апатитов
Проросла эта роза
Цвета эритроцитов.

Как нелепые позы,
Как цветные картины,
Пусть цветут эти розы
Цвета гемоглобина!

Рука в руке
Сиамский сонет

I

Внимая звуку, видя свет,
Глаза в глаза и губы в губы,
Чужая боль пойдёт на убыль,
 Взойдёт оливковая ветвь,
 Она пошлёт тебе привет —
Немножко ветрено и грубо,
Слегка накренив звёздный купол,
 Покорный тающей листве.
Рука в руке: ладонь к ладони.
Родившись в безымянном лоне,
 Она должна вернуться в прах.
Она взовьётся вихрем снежным,
И лепестков дыханьем вешним,
 И тонким пламенем костра.

II

И тонким пламенем костра
Поднимется она над нами,
Как будто огненное знамя
 Того, что знали мы вчера.
 На небесах луны дыра
Блестит над утренними снами.
Под каблуком — песок да камень.
 Глоток без цели. Шаг за грань.
Вопрос — да будет перечёркнут,
Когда чуть тлеющий ответ
 Заглянет в утренние окна.
Он мигом окунётся в воду,
Он пролетит по небосводу,
 Внимая звуку, видя свет.

Сердце

Сердце не обманешь,
Сердцу не прикажешь,
И на смену манне
С неба сыплет сажа.

Сердце успокоив,
Возложи венцы ты!..
Но в крови Изгоев —
Снов эритроциты.

Сети Любви

Вы вьёте сети, что можно принять за любовь.
Они тонки и рвутся от первого звука.
Я вижу, что ваши руки скрестились мольбой,
Но слишком жёстко они сжимают друг друга.

Но ваши руки сожмут моё сердце собой,
А ваша сеть на меня упадёт паутиной,
И то, что было когда-то важнее всего,
Теперь, наверное, мёртвой маской застынет.

И мне машинально захочется новой любви,
Которая вдруг для меня подвернётся некстати.
Я сделаю шаг ей навстречу, зови — не зови, —
Чтоб новые сети меня принимали в объятия.

Но эти сети слабее, чем ваши слова:
Они вливаются в тело живительным ядом.
И я, конечно, смогу эти сети сорвать,
Когда вас уже почти не останется рядом.

Синга

Ты в паденье
 меня не вини:
наглотавшись
 берёзовой каши,
запишу я тебе
 на винил
свой простуженный к осени кашель.

Будет злиться игла,
 и под ней,
в осторожно струящемся свете,
будут корчиться
 Город в Огне
и восторженный
 Утренний
 Ветер.

Созвездие

Я звоню вам по срочному делу:
Я хочу поболтать ни о чём.
Пусть под осень листва облетела,
Я навеки, увы, обречён
Целовать твои руки.

Я не знаю, о чём вы мечтали:
Может быть, о бокале вина.
Перед нами, я знаю, печали;
Между нами, я знаю, стена
И закрытые двери.

И куда же, куда всё уходит?
И зачем же, зачем нам любовь?
Лишь созвездие плазменной плотью
Полыхнёт на мгновение вновь —
И исчезнет навеки.

Сон вдвоём

Нарисуй мне звезду на ладони!
Напиши мне стихи на снегу!
Пусть несут нас волшебные кони
На неведомом том берегу!

Поцелуй меня в белые губы:
Пусть над нами смеётся луна
До поры, пока кто-нибудь грубо
Нас не вырвет из этого сна.

Сотни дорог

Под дивным сияньем луны,
В тихом свете ночного костра,
Я пел тебе песни о дальних мирах
В чертогах лесной тишины.

Сотни преград у меня на пути,
Сотни дорог довелось мне пройти,
Только я помню всегда об одной:
Той, где ты рядом со мной.

Уставший от бед и удач,
Я смотрю в голубые глаза.
Звездой небесной в них тает слеза...
Не плачь, дорогая, не плачь!

В прошлом останутся Юг и Восток,
В прошлом останутся сотни дорог,
Но я всегда буду помнить о той,
Где я был рядом с тобой.

Спящая Принцесса

Моя принцесса спит,
Вмороженная в лёд,
Средь мамонтов и саблезубых кошек.
Луна её хранит
И песни ей поёт,
Смахнув в ладонь остатки хлебных крошек.

Моя принцесса спит
Три тысячи веков,
А может статься, и гораздо больше.
Её палеолит
Свободен от оков,
Присущих Португалии и Польше.

Моя принцесса спит:
На траурной плите
Начертан рун усталый перекрёсток,
А телефон молчит,
И в вечной мерзлоте
Остаток лет, как бич Балрога, хлёткок.

Моя принцесса спит
В мерцании вершин,
За сон людских кумиров не в ответе,
А саркофаг закрыт,
И лёд, как формалин,
Хранит лицо от зла тысячелетий.

Моя принцесса спит:
Её Пернатый Змей
Давно мечтает порезвиться в Андах,
И шелест пирамид
Услышал Чародей,
Забыв о Робин Гуде и о бандах.

Моя принцесса спит.
Её доспехи льда
Прозрачны, как стеклянные витрины.
Не сгрызенный гранит,
Несказанное «да» —
Как будто не взорвавшиеся мины.

Моя принцесса спит,
А юный Ястреб Гед
Шпионит за Ромео и Джульеттой.
Его Дракон — забыт,
Его любимой — нет,
А Джаспер хвастает его победой.

Моя принцесса спит
С учебником в руке,
В прямой трансляции по Киммерии.
Следы её обид
Исчезли вдалеке
С границы Вавилона и России.

Моя принцесса спит
Под облаком седым
В безмолвном ожидании Посланца...
Но если заслонит
Созвездья серый дым, —
Дай Бог ей никогда не просыпаться!

С радостью

От пустоты расходятся круги
По бесконечным лужам сентября.
И то, что не изведено другим,
Я с радостью мог взять бы на себя.

Всего два шага может сделать Бог, —
Но человеку хватит одного.
И то, что он создать уже не смог,
Я с радостью мог сделать за него.

Свобода тяжелее, чем хомут,
И на траве — пещеры муравьёв.
И то, что не под силу никому,
Я с радостью бы сделал для Неё.

Сто часов

Мы никогда не будем вместе:
Сегодня, сто часов подряд,
Мы променяли наших бестий
На аполлонов и дриад.

И ночь не позовёт обратно,
Вернув потерянный азарт,
И нам заказан подвиг ратный
На сто часов тому назад.

Строка

Разве мог я забыть
о тебе, Ариэль?
Просто в ткани событий
плетётся узор,
На котором — весна,
на котором — апрель,
На котором означен
твой ласковый взор.

Это — видишь! — мой Поиск
тропой в синеве.
Сто скручено поясом
вечных снегов.
Это ветер: прости! —
я уснул на траве
Сном, в котором постигну
огонь берегов.

Не грусти, Ариэль!
Это только строка.
Мы руками согрели
бельчонка сердец.
Пусть струится любовь,
словно взгляд старика,
Нашим дням уготовить
железный венец!

Это — боль?.. — это сон.
Этот ветер — уснул,
И трава на газонах
хрустит под косой.
Только солнечный луч
остриём полоснул, —
И улётся на туче
слепой полосой.

Сублимация

Сведённый в сублимацию поток
Неразделённой чувственной энергии
С меня сегодня снимет семь потов,
Все из которых — неизменно первые.

И все вольются реками в строку,
Где не исчезнут, захлебнувшись чувствами,
Но новые восходы обрекут
Навечно бредить трелями изустными.

И семь потов семи бесценных чувств
Вольются в восемь кубков сублимации,
И тот из них, который будет — пуст, —
Спасёт от смерти все земные нации.

Он загудит, столкнувшись с костью лбов,
Которые, бесчувственные, мечутся,
И из любви произведут Любовь
На благо и погибель человечества.

Талисман

Я не видел тебя сорок тысяч веков,
Я рождался и вновь умирал.
Я пытался уйти от железных оков
В поднебесный, серебряный зал.

Я кричал и шептал через Грани Земель,
Сквозь чертоги неведомых стран,
Это странное имя твоё: Ариэль! —
Но не слышал в ответ: Ариман!

Я запомнил твой взор под хрустальной звездой
В тот далёкий и сумрачный день,
Когда чёрным орлом над твоей головой
Закружила зловещая тень.

Я отдал тебе меч и святой Талисман,
Как услышал заветную цель,
Но на тихое — вместо «прощай!» — «Ариман!»
Не ответил тебе: Ариэль!

Ты ушла на восход, я ушёл на закат...
Мы не встретились в Тёмной Стране...
Но я помнил всегда твой таинственный взгляд
Талисманом на чёрной луне.

Нас вернули в земной, задохнувшийся мир,
За границы темнеющих стен, —
Но отцу ты не скажешь сегодня: Энир! —
И Врагу не кричишь: Динатен!

Между нами теперь — сотни миль, сотни лет,
Мы сменили сто тысяч имён,
Но осталась Звезда Талисмана Побед
Из раскрывшейся Бездны Времён.

Ты стройна и прекрасна, как будто газель;
Процветает твой сказочный мир.
Но сестре ты не скажешь теперь: Ланадель! —
Не услышит твой брат: Галанир!

Мы мечтаем уйти в наш нетронутый рай,
В наш цветущий, щебечущий сад,
Но пока не найдём свой потерянный май,
Мы не в силах вернуться назад.

Нам мешают идти снегопад и метель,
Нам мешают метель и буран,
Но ты ждёшь, что услышишь моё — «Ариэль!» —
И я жду твой ответ: Ариман!

Я не видел тебя сорок тысяч веков,
Я рождался и вновь умирал.
Я пугался уйти от железных оков
В поднебесный, серебряный зал.

Я надеюсь увидеть святой Талисман
И твою изо льда колыбель,
Чтоб ответить тебе на твоё — «Ариман!»:
«Всё прошло. Я с тобой, Ариэль!»

Твои ладони

Твои ладони... В них горит звезда
И холодом хрустальным согревает:
То замерзает. То безмолвно тает, —
И мчатся в бесконечность поезда.

Твои ладони — в золоте весны,
И не исчезнет счастья позолота.
Но впереди — рутина и болото,
А позади — мечтания и сны.

Твои ладони мне ли не узнать,
Ласкающему их в своих объятьях?
Они не содрогаются в проклятьях:
Их ждёт благословенья новизна.

Твои ладони... Или, может быть,
Зеркальное моих отображенье?..
Рука в руке — застыли без движенья, —
И скрылись от возмездия судьбы.

Той...

Мне дорога важней, чем покой:
Не нужны мне тюрьма и сума!
А той, кто скажет мне — «МОЙ», —
Я отвечу: «Вымой сама!»

Мне свобода важней серебра:
Не нужны мне ни пряник, ни плеть.
А той, кто скажет — «ПОРА», —
Я отвечу: «Пора — лететь!»

Моё «Я» мне важнее, чем «МЫ»:
Мне не нужно с волками быть!
А той, кто проникнет в сны,
Я отвечу: «Мне спать — не жить!»

Мне мгновенье важней, чем года:
Не нужны мне вопрос и ответ!
А той, кто скажет мне — «ДА», —
Не отвечу ни да, ни нет...

Только

Я бы выскочил из мчащегося поезда,
Я скатился бы по гравийной по насыпи,
Только мне бы подарила чёрный пояс ты:
Только этот пояс может крепче нас сцепить.

Я бы толстыми ворочал сталактитами,
Я бы встал под соловьиные под насвисты,
Только не были б мы рано позабытыми,
Только ранняя светила бы для нас звезда.

ТРИ МИЛЛИАРДА ПАР

Я придумал восьмую ноту,
Я придумал Десятый вал.
Я всю жизнь убегал от кого-то,
Да вот от кого, не знал.

Я выдумал новую моду,
Я выдумал новый стиль.
Я давно уж оставил кого-то
Позади на тысячи миль.

Я создал особую роту
Из отборных детей и собак,
Я пытался не думать, что кто-то
Ускоряет свой бойкий шаг.

Я и сам начинаю охоту
На того, кто идёт впереди,
А сзади идущий кто-то
Хочет меня найти.

Вот так и ходим по кругу,
Забыв, что Земля — это шар...
А рядом идут друг за другом
ТРИ МИЛЛИАРДА ПАР.

Ты опять далеко

Ты опять далеко. Покажись!
На мгновение! только на миг! —
Чёрной звездочкой в небе зажгись,
Своим взором мой взгляд обними!

Где ты бродишь, Принцесса? — ответь!
Только звук! только взгляд! только жест!..
Вспыхнет Тьма — и забудется Свет, —
И доспехов рассыплется жесть.

Хранитель либидо

Его речи тёмные,
Его речи длинные.
Он изгнал из комнаты
Роковое либидо.

Ордена и почести
Вешним днём датируя,
В гордом одиночестве
Тихо медитирует, —

И смеётся, радостный,
В ожиданье выпадов,
По чужому адресу
Отправляя либидо.

Чайная церемония

Наша встреча случайная —
Словно сцена в кино:
Церемония чайная,
Белый цвет кимоно.

Лёгким дымом материи
Развевается шаль.
Я не помню потери, и
Мне немножечко жаль.

В залах общества тайного —
Вереница зеркал:
Нет чего-то фатального,
Что я в жизни искал.

Шёлк по небу полощется,
А над ним — пустота.
А под знаменем — рошица,
Но, как видно, не та.

Наше тайное общество —
Посвященье ходьбе:
Не убить одиночества,
Не забыть о тебе.

Икебаны, настурции,
Да фигурка кита.
И не тянет нас в Турцию,
И не манит Китай.

Нам пресечь безобразия
Помешает апрель,
И Америку с Азией
Заметает метель.

Наша встреча прощальная
Стынет, свечи задув:
Церемония чайная
В пожелтевшем саду...

Час до рассвета

Опять я вижу свет в твоих глазах... —
А может, это отблеск запоздалый?..
Твоих волос извилиста лоза,
Простой вопрос — осколком пьедестала.

Узнать тебя среди далёких лиц, —
Что может проще?.. — только встать из гроба.
Я вспряну в небо — и низвергнусь ниц,
Наполненный предчувствием разгрома.

Час до рассвета. Вечность до разлук.
Твоя ладонь моих коснётся пальцев.
Ты бросишь вызов и добру, и злу,
Прикрыв себя сугробом одеяльца.

Я больше не сорвусь в полёт, и пусть
Твои глаза — да не сомкнутся болью!
И отразится вековая грусть
На простыне минутного раздолья.

Час, Когда Начинается Вечер

Воздух чист и прозрачен.

Она

остаётся в мечтательном аде,
до последнего дня влюблена
в серебристые лунные пряди.

А весна тихо смотрит в окно,
обращаясь в безмолвную осень, —
и Она отправляется в ночь,
чтобы маску последнюю сбросить,

чтобы выжить — и встретить Его, —
и, влюблёнными в первую встречу,
убежать пожелтевшей листвой
в Час, Когда Начинается Вечер.

Чёрное и Белое

Я ворона белая,
Ты ворона чёрная.
Что же тут поделаешь,
Мы ведь птицы гордые.

Нам плевать из космоса
На слова публичные.
Перистыми космами
Мы трясём по-птичьему.

Нам с тобой загаданы
Два вопроса вечности:
Что теперь с закатами?
Как теперь без нечисти?

Ты ворона чёрная,
Я ворона белая.
Сердце обречённое,
Да печёнка — смелая.

Полетим под облаком
Пешими и конными,
Не меняя облика
С ликами иконными.

Чёрно-белой робою —
Вечности возвращение.
Мы с тобой попробуем
Это извращение.

Мы с тобой два ворона,
Нам летать назначено.
В небе слишком холодно:
Пожелай удачи нам!

Мы вернёмся к вечеру,
Чёрное и белое:
Если делать нечего,
Что же тут поделаешь?

Мы закрутим заново
Эту жизнь чудесную,
Отогрев туманами
Встречу Неизвестного.

Чёрный Рыцарь

Через звоны мечей пробираясь к любимой своей,
Чёрный Рыцарь прилёт на зелёной траве отдохнуть.
Он устал умирать и в глаза умирающим смотреть,
Но он знал, что уже не способен судьбу повернуть.

А она на траве отдыхала от зал и столов,
И безусый придворный шептал ей на ухо слова,
Что на все языки переводится словом Любовь
С незаметным акцентом безумия и плутовства.

Чёрный Рыцарь смотрел чёрно-белый с пестринками сон,
Как и прочие сны, полный стали, огня и крови,
И звезда на руке превращалась в хрустальный флакон,
Из которого ядом текли ароматы любви.

А она веселилась и не вспоминала о нём,
И безусый придворный легко помогал ей забыть,
Что её не забыл тот, кто с детства безумно влюблён
Был в её красоту и в её безмятежную прыть.

Принимая лучи опускавшихся в море светил
На доспех боевой с отпечатками острых клинков,
Чёрный Рыцарь поднялся в седло, чтобы снова в пути
Узнавать её профиль в нелепой игре облаков.

А она продолжала играть на зелёной траве,
Раздавая воздушные замки холодной рукой.
А она не искала вопрос и не знала ответ,
И у ног её хрупких опять сидел кто-то другой.

Чёрный Рыцарь вернулся домой.
Чёрный Рыцарь считает шаги.
Он три года навстречу любимой из плена бежал.
А она позабыла о нём,
И по-прежнему с кем-то другим, —
Но найдёт его сердце жестокий холодный кинжал!

Плачь о той, что за тонкими играми высшего света
Не сумела себя в эти дни от растленья сберечь!
В поединке повержен соперник, но после победы
Чёрный Рыцарь в отчаянье бросился грудью на меч.

А она через год вышла замуж за старого графа,
И какой-то придворный опять её тело ласкал,
За минутный позор её взгляд принимая в награду
И шалаш для влюблённых сменив на дворец из песка...

.....

...— Что за страшную песнь я ловлю по ночам?
Словно воеет в тоске рукоятка меча,
Словно старые латы в хрустальных покоях звенят!..
— Это твой Чёрный Рыцарь, твой мёртвый жених
Поднимается ночью из серой тени
И выходит тропой в никуда по холодным камням,
Через звоны мечей пробираясь к любимой своей!..

Эротика

Я введу в твою партию
Новый член.
Я заставляю симпатию
Сдаться в плен.

Я устрою эротику
Там, где ты.
Я не чувствую, вроде бы,
Теплоты.

Я введу в твою скважину
Новый ключ,
Чтобы солнце отважилось
Спрятать луч.

На ковре отутюженном
Ляжет тень.
Мы уснём перед ужином
В темноте.

И введу в рыльце пестика
Я пыльцу...
Только, видно, быть вместе нам
Не к лицу.

Это может быть сном

Это может быть сном. Или явью. Иль чем-то иным,
Где сплетается шорох ночной с дуновением дня.
Это может быть тем, что спасёт от беды и войны,
Ярким светом свечи свистопляску теней заслоня.

Это слёзы дождя — или просто речная вода,
Что печальный закат превращает в весёлый рассвет.
Это может быть «да», но такое, чтоб значило — ДА!
Это может быть «нет», но такое, чтоб значило — НЕТ!

Это стоит того, чтобы жить и гордиться судьбой,
Но страданиям — не место в сердцах, порождённых Огнём.
Это ждёт лишь немногих. Но может случиться с тобой,
Если — через Рожденье и Смерть — будешь помнить о Нём.

Это Синяя Птица в руке. Это странная мысль,
Что засела в крови, на траве, посреди облаков.
Это больше, чем чувство, несущее с пламенем ввысь,
Это больше, чем жизненный смысл. Это просто — ЛЮБОВЬ.

Это Слово

Это Слово не верит грамматике,
Существуя в единственной форме:
Лишь в едином числе,
Только в первом лице,
Вопреки общепринятой норме.

Это Слово, назло человечеству,
Произносится лишь в настоящем:
Не *любил бы*, *любил*,
Полюблю, *полюби*, —
А — *ЛЮБЛЮ!!!* — колдовски и звеняще.

Я встретил тебя

Я встретил тебя, и узнать тебя было легко:
По тем же глазам, пусть и ставшим заметно взрослее,
По возгласам, льющим Зелёной Звезды молоко,
И прядям волос, обвивающим змейками шею.

Я встретил тебя, как никто никогда не встречал,
Приняв тебя чисто и верно, как блудного сына,
Оставив Стихию Волны бирюзовым речам
И вырвав тебя из себя — только наполовину.

Я встретил тебя — или только остаток тебя,
Пылающей некогда жаром морозного утра,
Способной любить — как немногие лишь! — не любя,
И жажду свою опрокинув в Алмазную Сутру.

Я встретил тебя, и узнать тебя было легко...
Но я — не узнал, — ибо прежде, и ныне, и присно
В осколках тебя Изумрудной Звезды молоко
Свернулось кефиром в крови, безнадежно прокиснув.

Я встречу тебя

Я встречу тебя, выходящую из электрички,
Приняв поцелуем замёрзшие вишенки глаз.
Мы будем стоять на перроне бесстыдно-публично,
И клювы ворон приоткроются в сторону нас.

Я встречу тебя, и рука моя ляжет на плечи,
И ты мне расскажешь, что больно менять имена,
Что Бог не спасёт от беды, и что время — не лечит,
Что трудно ЗАБЫТЬ, но труднее стократ — ВСПОМИНАТЬ.

Я встречу тебя, и, домой возвращаясь с вокзала,
Мы будем молчать и стараться не думать о тех
Словах, что при встрече ты мне невзначай НЕСКАЗАЛА, —
Но эхо которых повисло в немой пустоте.

Мы будем смеяться и плакать, и в силу привычки,
Занявшей твоих и моих хромосом этажи,
Я встречу тебя, выходящую из электрички,
И сяду с тобой на автобус под номером Жизнь.

Яд

Или к нему, или ко мне.
Платье себе дошей!
Я умножать умею в уме,
Но не делить в душе.

Он для тебя пока что не муж,
Стало быть, как и я.
Или ко мне, или к нему:
Пей свой смертельный яд!

Я иду к тебе

Я больше, чем жив,
Я больше, чем мёртв,
Я просто нашёл
Свой Путь.
Не спрячут ножи
Ни Бог и ни Чёрт,
И мне б хорошо
Уснуть.

Я прячу глаза,
Я прячу лицо:
У всех на виду —
Успех.
Я должен сказать,
В конце-то концов,
Что просто иду
К тебе.

Я и Ты

В моём клюве —
 весна,
В твоих лапах —
 война.

Мой удел —
 голоса,
Твой —
 кривая коса.

За меня —
 огоньки,
За тебя —
 две руки.

Я возьму
 зеркала,
Ты —
 стальные крыла.

У меня —
 ни гроша,
У тебя —
 первый шаг.

Я себя не сберёг,
Ты — корону дорог.

Я в плену твоих рук.
Ты — выходишь на круг.

Я — лишний

Я — лишний.
Я просто лишний.
Я стал бы давно чужим,
но то,
что у нас не вышло,
напели тайком чижи.

Я свой
до последней ноты,
но твой —
на палитре сна.
Я мог бы уйти,
но кто-то
меня невзначай узнал.

За гибелью —
Крест Спасенья,
за ночью
блеснёт рассвет,
но ветер
дождей осенних
меня изведёт на нет.

Я люблю

Я не люблю...

В. Высоцкий

Я люблю запах жжёных волос,
Я люблю свои злые стихи,
И весеннее небо без гроз,
И веселья шальные грехи,

Я люблю свои детские сны,
Я люблю заколдованный лес,
И сияние полной луны,
Обещающей время чудес,

Я люблю в свою хищную пасть
Запустить бутерброд с ветчиной,
Я люблю вероломно напасть
На асфальтов фальшивый покой,

Я люблю чёрных кошек игру
С суеверными днями людей,
И свою под Холмами нору,
Где бывал не один Чародей,

Я люблю в свете утренних звёзд
Отгонять и сомненья, и страх,
Я люблю свой Последний Вопрос
О далёких волшебных мирах,

Я люблю подобраться тайком
К тихо дремлющим Жителям Дня,
Я люблю походить босиком,
Я люблю, когда любят меня,

Я люблю тень орла в вышине,
Я люблю посидеть на мели,
Я люблю, когда кто-нибудь мне
Скажет «здравствуй!» в дорожной пыли,

Я люблю свою бурную жизнь,
Я люблю свою тихую смерть,
Я люблю, когда, крикнув «держись!»,
Посылают меня в круговерть,

Я люблю прошвырнуться в ночи
По безлюдной звериной тропе,
Я люблю посмотреть, как сычи
Одинокó тоскуют в толпе,

Я люблю волчьих стай дивный вой
И мурлыканье чёрных пантер,
Я люблю сновиденья с тобой,
Мой заснеженный Кёнигсберг,

Я люблю грызть солёный орех,
Я люблю поднебесья кольцо,
И улыбки, и ласковый смех,
И своё молодое лицо,

Я люблю наблюдать за огнём,
Я люблю слушать шелест листьев,
Я люблю, когда кто-то о Нём
Отзывается только «на вы»,

Я люблю жить, победу трубя,
Я люблю эти ночи и дни...
Я люблю и тебя, и себя, —
Только зря мы сегодня одни!..

Я — монстр

Я — монстр.
 Не червь,
 не раб,
 не бог.

Я Тьмы пророк.
 Я сна порок.

Я твой пастух.
 Я твой парик.
Я сердца бой.
 Я лёгких крик.

Я всё в одном:
 и явь,
 и сон.

На свой манер.
 На твой фасон.

Я на коне.
 Я на щите.
В богатстве
 или в нищете.

В любви и в горе.
 В снег и в лёд.
На самый быстрый самолёт.

На самокат.
 На солнца смех.
Для нас.
 Для вас.
 Для них.
 Для всех.

Я самосуд.
 Я самострел.
Я плыл,
 пылал,
 я грел,
 горел.

Я — монстр.
Я самый страшный зверь.
Страшнее ласковых потерь.

От суеты
и маяты.
Я —
только я.
Мы —
я
и ты.

Я по-прежнему

Я по-прежнему смотрю тебе вслед,
Но не вижу даже тени тебя.
Ты всё та же через тысячи лет,
Но глаза твои по-прежнему спят.

Я смотрю — и мне немножечко жаль,
Что тебя я не сумел полюбить.
Твои веки опадают, как шаль,
Твои волосы сплетаются в нить.

Твоих глаз незатуманенный свет,
Золотые лабиринты причуд...
Я по-прежнему смотрю тебе вслед —
И по-прежнему глупо молчу.

* * *

Я ужасно тебе благодарен
За с тобою не прожитый день,
За подарок, что мне не подарен,
За слова, что сказать было лень,

За листок ненаписанных писем,
За конфеты, что мы не едим,
За небесные тайные выси,
На которые мы не глядим,

За пустые слова без ответа,
За вино, что с тобою не пьём,
И за то, что ни зиму, ни лето
Мы с тобой не проводим вдвоём,

За тяжёлую нить разговора,
За улыбку звездой в пустоту,
За меж нами не вставшие ссоры,
За бессонные ночи в поту,

За надежду, что я не состарен,
За часы, что не стали милей, —
Я ужасно тебе благодарен:
Лишь за то, что ты есть на земле.

A la guerre comme a la guerre

Я не знаю, откуда пришла ты:
Может, с неба, а может, с земли.
Мы с тобою, должно быть, солдаты
Полусонной дорожной пыли.

Мы родились и выросли в драке
На далёкой, чужой стороне.
Наши души покрашены в хаки:
Так бывает всегда на войне.

Наши сны — в маскировочных сетках, —
Мы не спали сто тысяч веков.
Наши снайперы дремлют на ветках
Среди серых, горячих песков.

Снова ночь перед Дикой Охотой.
Золотые знамёна — в огне.
Нам придётся расстаться с пехотой:
Так бывает всегда на войне.

Ты просила меня о подмоге? —
Я хочу отвести этот бой,
Чтоб скорее пройти по дороге
Мне в центурии рядом с тобой.

Чтобы пели мои автоматы,
Это редко бывает в цене.
Мы — невидимых армий солдаты:
Так бывает всегда на войне.

File

Я люблю тебя?.. — файл не найден:
Это вирус сожрал процессор.
На дисплее — немного сзади —
Обведён твой портрет, Принцесса.

Я люблю тебя?.. — файл не найден:
Это где-то замкнуло провод.
И глазами оконных впадин
От сети загружаюсь снова.

Naturmorte

Красное солнце пылает в червях огурцов:
Тень помидора.
Тайны изведать и спрятать в подушку лицо —
Дело Пандоры.

Вот распахнуло свирепо серебряный клюв
Белое блюдо.
Вечная пауза... И после мысли *люблю*
Скажешь *люблю* ты.

Rana ridibunda

Ридибунда моя, Ридибунда,
Где твоя изумрудная кожа?
Где глаза твои с искрами бунта?
Где ты, милая? что же ты?.. что же?..

Словно кровоточащая Рана,
Ридибунда моя дорогая,
Ты уходишь — и это ль не странно? —
Свою долю жестоко ругая.

Ридибунда моя, ридибунда,
Где ты скачешь по летним полянам?
Где блестят твоих глаз изумруды?
Где озёр золотых океаны?

Ридибунда!.. куда ты? куда ты?..
Ридибунда... ах, как ты посмела!..
Ты умчалась навстречу закату,
Сбросив кожу с оттенком омелы...

Victoria Regia

Расцвела в пруду *Victoria Regia*,
Расцвела над зыбкой ряби безбрежностью.
Вот сижу теперь, пишу себе реквием,
Изгаляясь над своей неизбежностью.

А вокруг — такие серые праздники,
А в окне — такая прелесть, что боязно.
И свистят в саду чижи-безобразники,
И вдали — сигналы скорого поезда.

Зазвучал во мне пронзительный реквием:
Состоянье от него — сумасшедшее.
Я пишу тебе, *Victoria Regia*,
В моей жизни запоздало расцветшая.